

МАРК КОЛОСОВ

Я ЭТО ВИДЕЛ

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1942

Я ЭТО ВИДЕЛ

Я расскажу о том, что произошло в селе Большие Салы, под Ростовом.

Когда вошли в Большие Салы, мы увидели четыре трупа. Женщина лет сорока пяти, с черными, как смоль, вьющимися волосами, с чистым, как воск, лицом, с полуоткрытым ртом, полным ровных белых зубов. Лицо это не смогли обезобразить ни запекшаяся кровь, ни осадина, ни сама смерть.

Девушка на вид лет восемнадцати. Вылитый портрет матери. Только губы чуть полнее, выражение лица решительнее. Брови сведены в одну нитку. Лоб нахмурен.

Девочка, подросток, лет девяти. Донельзя худенькая. Она закрыла личико ручонками. Наверно, перед смертью не могла смотреть в лицо убийцам.

Наконец, красноармеец. Юноша с высоко поднятой головой и стиснутыми зубами.

В бою под этим селом он был ранен. Обливаясь кровью, раненый дополз до крайней хаты и постучал в дверь. Чрезмерное утомление, большая потеря крови лишили его в этот миг сознания.

Когда он очнулся, детская ручонка гладила его голову. Две слезинки упали ему на лоб, скатились по лицу и обожгли его иссохшие губы.

— Мы не отдадим тебя немцам, — услышал он над собой тихие слова.

В забытии юноша прижал к груди руку пожилой женщины и сказал:

— Мама, мама моя.

И женщина, не отняв руки, всхлипнула и, поднеся к глазам платок, спросила:

— Что тебе, сынок?

В другой раз он задержал в своей руке пальцы молодой девушки и назвал ее чужим именем. Она откликнулась на это имя: „Да, да, это я, милый“.

— А где сестренка? — спросил раненый. И девочка-подросток засияла над ним карими лучистыми глазенками.

— Я здесь, братик. Выпей молока, нето я рассержусь.

Это было зимой 1941 года и продолжалось недолго. Через два дня их вывели на улицу и всех расстреляли.

Было холодное зимнее утро. Тучи заволокли небо. Дул сильный ветер. Падал снег. В степи вихрилась поземка. Староста пригнал к месту казни стариков, женщин и детей.

Красноармеец не мог идти. Мать и дочь, обняв раненого, помогли ему спуститься по ступенькам вниз. Они поддерживали красного бойца в тот страшный миг, когда фашисты выстроили всех четырех и медленно прицелились в них из автоматов.

Толпа замерла.

— Дедушка, она училась со мной на одной парте, — слышался прерывистый детский возглас.

— Она закончила свое образование, — глубоко вздохнул в ответ старик. Раздался оглушительный залп. И все четверо присели. Еще залп, и в сумрачной толпе послышался раздирающий душу плач.

— Так будет с каждым, кто осмелится скрывать у себя русских солдат, — объявил обер-лейтенант.

Староста, расправив бороду, подошел к трупам и потыкал пальцем в глазные яблоки.

В толпе закашляли, запричитали.

— Дедушка, пойдем, мне холодно, — заплакал детский голос.

— Пойдем, страшная жара, внучек, — вздохнул старик и, расстегнув ворот полушубка, с трудом пошевелил шеей.

— А ну, расходишь! — крикнул староста. — Еще посмотритесь. Приказано не хоронить. Расходишь, расходишь, жители.

И толпа, низко наклонив головы, пошатываясь, побрела, как пьяная.

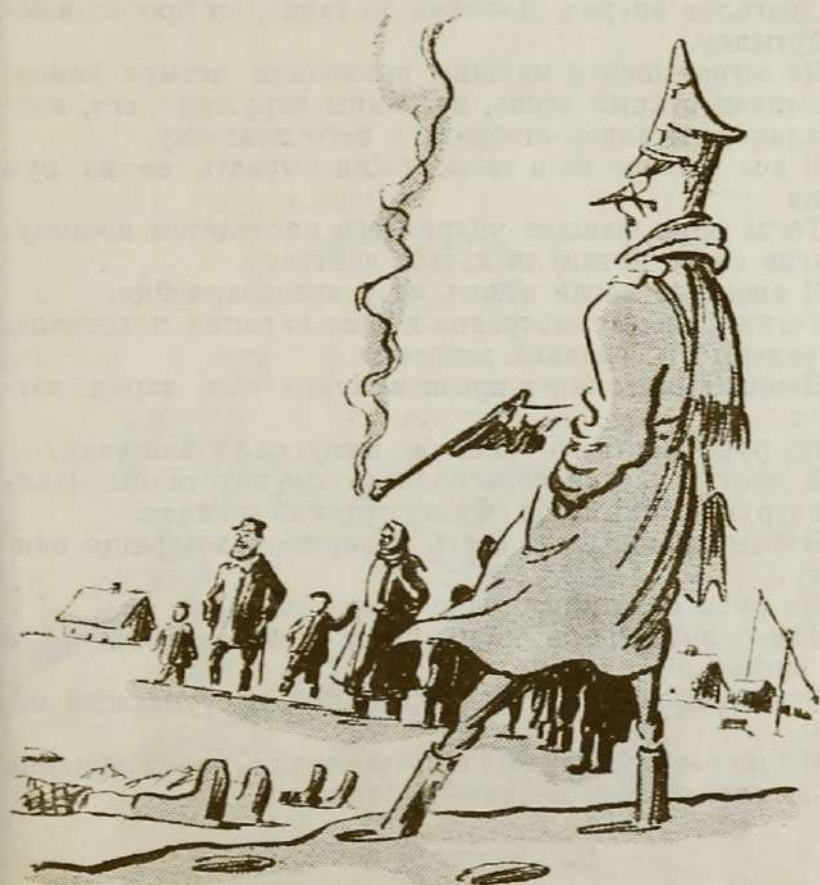
Это произошло в селе Большие Салы под Ростовом.

Я сам видел эти четыре трупа, когда наши войска вошли в село.

ВИНТОВКА

Это случилось на глазах нашей наступающей пехоты. В степи метались угорелые немецкие танки.

Один танк остановился и, заерзав гусеницами, замер.

— Так будет с каждым, кто осмелится скрывать
у себя русских солдат,—объявил обер-лейтенант.

Приподнялся люк башни, и на свет, вытаращив мутные глаза, выглянула голова танкиста. — Балки, ерики, курганы, займища — ничего хорошего не предвещали они чужеземцам.

И действительно, спустя некоторое время показались красноармейцы. Среди них, пригибаясь к земле, бежал высокий пехотинец с винтовкой наперевес. В руке у него была бутылка.

Танк открыл огонь, но рослый пехотинец перебежками двигался вперед. Добежав до танка, он бросил в него бутылку.

Из загоревшейся машины выскочили четыре немца. Пехотинец открыл огонь, но немцы окружили его, набросились, пытались отобрать у него винтовку.

И все четверо не в силах были вырвать ее из рук бойца.

Тогда один фашист ударил его пистолетом по лицу. Другие снова потянули к себе винтовку.

И снова не могли отнять ее у красноармейца.

Тогда фашист выстрелил и тяжело ранил пехотинца. Но раненый не отдавал винтовку.

Немцы выпустили в красноармейца весь заряд патронов.

Но руки мертвого бойца не выпускали винтовку.

К месту схватки подоспели другие пехотинцы. Завязался рукопашный бой. Фашистов уничтожили.

Бойцы хотели было взять у мертвого товарища винтовку.

Но руки пехотинца точно приросли к ней.

Так и похоронили бойцы своего товарища вместе с его винтовкой.

Это произошло на глазах нашей наступающей пехоты.

Я был этому свидетелем. Фамилия красноармейца 348-го стрелкового полка — Мосошвили.

МАМЕД МАЙДИНОВ

Красноармеец Мамед Майдинов, сын колхозника из солнечного Казахстана, в эту душную южную ночь не ложился спать.

Дождавшись, когда окончился допрос пленных ру-

И все четверо не в силах были вырвать ее из рук бойца.

мынских офицеров, где он присутствовал как караульный, Мамед получил приказ отправиться со своим ручным пулеметом на чердак.

Из допроса пленных и по донесениям нашей разведки было ясно, что противник сосредоточил у села Н. крупные силы и утром готовится наступать.

Мамед Майдинов устроился у слухового окна и осмотрелся. Внизу раскинулись развесистые ивы, а дальше, в зарослях прибрежных тростников, куда уже не достигал взгляд, спокойно несла свои прохладные воды река.

Мамед вздохнул и дал волю своим мыслям. Впечатления дня теснились в его голове. Ему вспомнился колодец, у колодца женщины и среди них девушка с лучистыми глазами. Когда Мамед подошел к ним, одна из женщин взяла кружку у ребенка и подала Мамеду напиться. Мамед отказался — дождался пока напьется ребенок. Женщина взглянула на него с признательностью, а девушка с лучистыми глазами, видимо, гордилась им. Позже Мамед увидел эту девушку уже в военной гимнастерке и в спортивных шароварах. Мягкие каштановые волосы ее были аккуратно уложены под берет; через плечо висела сумка Красного креста.

„И такую думают враги сделать своей рабой!“ — подумал Мамед. И гневом закипело сердце красноармейца. Он сильнее сжал свой пулемет.

С рассветом лопнул первый вражеский снаряд. Началась жестокая артиллерийская подготовка. Вслед за нею враг атаковал наши части.

Мамед Майдинов, казалось, только и ждал этой минуты. Удобная позиция делала его невидимым для врага. И он бил румын в упор. Шутка ли, Мамед был прекрасно вооружен. У него был ручной пулемет и четыре диска. При самой плохой стрельбе он мог вывести из строя роту противника. Правда, Мамеда могут окружить. Но разве рота противника не стоит того, чтобы Мамед рискнул жизнью? 150 неприятелей за одного Мамеда! 150 палачей, грабителей, насильников — это подходящая цена за жизнь одного комсомольца. Мамед любит жизнь, но не боится смерти. Он с презрением смотрит ей в лицо.

Больше четырех часов был в единоборстве с неприятелем Мамед Майдинов. Он уничтожил роту противника. Расстреляв патроны, Мамед спустился в нижний этаж

На голову напялил широкополую шляпу, накинул на плечи козюх, под ним спрятал верно послуживший ему пулемет, взял в руки палку и погнал гусей мимо румынских солдат.

дома, надел поверх военной гимнастерки длинную холщевую рубаху и штаны, на голову напялил широкополую шляпу, накинул на плечи кожух, под ним спрятал верно послуживший ему пулемет, взял в руки палку и погнал гусей мимо румынских солдат.

— Эй, ты, куда гонишь? — окликнул его румын, видя, что дурашливый пастух гонит гусей в гору. — Там смерть, убьют тебя!

Но, видно, не понимал по-румынски пастух.

— Чорт с ним, пустьдохнет! — сказал другой.

А пастух взобрался на гору, и ему открылась необъятная даль родной земли. Наша артиллерия заметила неясную фигуру на горизонте и прицелилась. Но Мамед уже катился кубарем с горы, пока не докатился до передового охранения.

— Стой! — остановил его дозор. — Откуда? Чей?

— Свой! — кричал Мамед. — Свой, ребята! — И, содрав с себя крестьянскую одежду, он предстал перед бойцами вместе со своим пулеметом. Мамед назвал свое подразделение, часть, фамилии командиров, и бойцы убедились, что это свой.

Придя в свое подразделение, Мамед расцеловался с капитаном Синютиным. Тот повел его к командиру части. Командир тоже расцеловал комсомольца. Мамед не выдержал и, смахнув слезу, сказал:

— Эх! Если б были диски, я бы их побил еще!..

РОДНОЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Мы стояли в небольшом украинском селе.

Обыкновенное село это, в котором три месяца хозяйничали немцы, описывать не стоит. Картина разорения наших вольных сел немецким нашествием везде одна и та же. Поблек не только внешний вид когда-то весело смотревших в степь колхозных хат, — унылой плесенью старорежимного захолустья покрылась вся жизнь колхозников.

Родной советский человек, словно только что проснулся и спросонья говорит и говорит о тех страшных видениях, что ему привиделись.

Он видел, как бомбили с неба его дом, резали его скот, гонялись с кортиками наголо за его птицей, стро-

гали виселицу, раскручивали веревку, вешали на перекладине его соседа, и тот висел, выкатив невидящие глаза в степь, — после всего этого душа нашего простого, умного, родного советского колхозника в первую минуту как бы замерла от ужаса.

Советский рядовой колхозный человек сначала признавал только одно — он жив.

Потом, по мере того, как он привыкал к ужасам, он постепенно начал сознавать самое страшное, что с ним сделали, — ему оставили жизнь, но ее подменили.

Тогда в сердце советского рядового колхозника вдруг щемящей болью дала себя знать тоска о прежней колхозной жизни.

Сначала в самых тайных глубинах его сознания явилось смутное чувство неудовлетворенности. Оно росло и стало тягостней, чем голод, мучительней, чем жажда, ужасней, нежели смерть.

Советский рядовой колхозный человек, раз почувствовав эту боль, ищет уже связи с Родиной. С затаенным дыханием следит он за очертаниями советских самолетов. Убедившись, что за ним не наблюдают, он закладывает на засов дверь и достает заветную листовку.

Наконец бьет час действия, и советский рядовой колхозный человек действует.

Он действует без промедления, колебания и раздвоенности.

О таком простом советском рядовом колхозном человеке рассказали нам танкисты соединения генерала-майора Боданова.

Наши танки только что вернулись с поля боя.

— Ну, как действовали? — спрашиваем танкиста.

— Действовали, как приказано, — говорит он, — где в притирку, а где утюгом!

— Не оглушило вас?

— Нет, только в первую минуту вижу, что ничего не вижу! — смеется механик-водитель.

Так мы обходим все подразделение. Знакомая родная обстановка напряженной кратковременной боевой передышки. Короткие спокойные рассказы о только что выполненной операции.

Вы смотрите на эти молодые лица и не можете отделаться от мысли, что все они могли погибнуть, если бы не одно обстоятельство.

В самую решительную минуту, когда танки прибли-

жались к населенному пункту, на дорогу выбежали два колхозника — старый и молодой.

Они крикнули:

— Не сюдою — тут минное поле!

Танки повернули вправо, зашли в село с тыла и загнали немцев на то самое минное поле, которое фашисты приготовили для красных войск.

Советские танкисты видели, как подрывались немцы на своих собственных минах.

И то же самое наблюдали из-за укрытия старый и молодой колхозники.

Когда операция была закончена, танкисты пожелали узнать, кто были эти простые, скромные советские патриоты.

И узнали, что один из них был Сураегин Константин Кузьмич, а другой — школьник Митя Кучеренко.

ПОДВИГ ПОВОЗОЧНОГО ОВЧАРЕНКО

Красноармеец вез патроны. Обыкновенный парень из украинского села.

Когда он родился, то заявил о себе таким криком, что родительница испугалась. В то время в хате были немцы, и крестьянский сын должен был вести себя смирно.

К удивлению молодой женщины, вслед за первым криком ее младенца с улицы донеслись радостные голоса. Кто-то растворил окно, и в горницу ворвались звуки песни.

Человек с саблей через плечо снял звездный шлем, тряхнул чубом и, бережно прижав к груди крохотное существо, воскликнул:

— Ликуй, Димка, ты родился свободным!

К горлу молодой матери подступали слезы. Сердце ее замирало. Она плакала и улыбалась.

Да, он родился под счастливой звездой, этот мальчик.

Когда он подрос, отец научил его владеть топором. В долгие осенние вечера и в зимнюю стужу каких только историй о топоре не наслушался Димка. Топором мстил отец за униженья и обиды. А один раз все село взялось в топоры. Сильно досадили немцы. На всю жизнь запомнил Дима этот страшный рассказ о том, как полыхал народный гнев.

— Такая была рубка, только держись! — заключил отец, и глаза его поблескивали в темноте.

Когда Дмитрий Овчаренко стал красноармейцем, родина вооружила его самым совершенным оружием. Он овладел им, но не позабыл и о топоре. Красноармеец всегда возил его в повозке защитного цвета под брезентом, наточенным до блеска. Рядом с топором лежали три гранаты.

И однажды топор выручил красноармейца. Был жаркий летний день. Южное солнце высоко стояло в небе. Красноармеец вез патроны. Там, за кромкой леса, залегли его товарищи. Они вели огонь по неприятельским целям.

Патроны быстро иссякали.

Красноармеец знал, какая сила заключена в ящиках, что лежали под брезентом, и погонял лошадь.

Пыльная дорога привела в село. За околицей тянулись огороды. Едва красноармеец поравнялся с крайней хатой, как из-за поворота дороги выскочил немецкий грузовик.

Из кабины, с шумом растворив дверцу, спрыгнул офицер. Дмитрий соскочил с повозки, вскинув, зарядил винтовку, приготовился стрелять.

— Хальт! — крикнул офицер и, подбежав к повозочному, выбил у него из рук оружие. Отскочив на несколько шагов, наставил на повозочного револьвер.

— Рузки зольдат, ты есть окружен. Высоко руки! — провизжал он. — Я буду тебе задавать вопросы!

Красноармеец, широко раскрыв глаза, стоял как вкопанный.

— Какой ты есть части? Где штаб? Где аэродром? Где вокзал железной дороги? — сыпались вопросы.

Красноармеец продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу. Он притворился будто так опешил, что никак не может прийти в себя. И это выходило у него так естественно, что на машинах послышался смех. Тем временем он кое-что надумал. Незаметно пятясь, он очутился рядом со своей повозкой и стремительным движением правой руки извлек топор, лежавший под брезентом, и, размахнувшись, отрубил голову фашистскому офицеру.

Смех в кузове машины разом прекратился. Дмитрий, не теряя времени, бросил в немцев одну за другой три гранаты. Машина загорелась. Второй офицер, прыг-

нувший с грузовика на помощь первому, бросился бежать по направлению к огородам. Овчаренко побежал за ним, догнал и зарубил на смерть.

Когда он возвратился к своей повозке, то стал считать трупы. Насчитав двадцать один, он обыскал их, забрал бумажники, планшеты, карты и сложил в повозку. Он доставил все это ротному командиру. Тот сказал:

— Спасибо, товарищ Овчаренко. Есть у тебя ко мне просьба?

— Есть, товарищ лейтенант! — ответил повозочный. — Прошу назначить меня в пулеметный расчет. Давно хотел просить об этом, но не решался: вдруг вы подумаете, что я своей работы — повозочного — стыжусь!

Если вы, читатель, пожелаете теперь увидеть Овчаренко, то, приехав в часть, где он служит, спрашивайте не повозочного, а пулеметчика Дмитрия Романовича Овчаренко. Кстати, знайте, что он представлен к званию Героя Советского Союза. И правительство удостоило его этим званием.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

В одной станице немцы развели костер и бросили в огонь пленных красноармейцев. Обугленные люди лежали на снегу, пока не появились наши части. В этой же станице, в доме тракториста Задорожного, произошел такой случай: в дом зашел фашистский офицер и попросил умыться.

Задорожный зачерпнул воды. Фашист вырвал у него из рук кружку и передал хозяйке. Он потребовал, чтобы прислуживала женщина. Затем он открыл дверь во двор и показал на погреб: надо умываться там!

Когда женщина направилась туда, фашист ударом сапога вышиб дверь погреба и потащил женщину вниз. Она вырвалась и побежала от него. Немец вскинул револьвер и хладнокровно выпустил в нее весь заряд патронов. Женщина остановилась, пошатнулась и упала, обливаясь кровью.

Задорожный, наблюдавший эту сцену, отвернулся и закрыл лицо руками.

— Я с того дня опустел, — рассказывает Задорожный. — Одна дума на уме: мстить, мстить за Таню.

Фашист ударом сапога вышиб дверь погреба и потащил женщину вниз.

В другой станице временно обосновались жены командиров Красной Армии, эвакуированные из Западной Украины. Немцы их согнали в один дом, заставили топить печь и греть воду. Потом фашисты сбросили с себя мундиры и нагие принялись давить вшей. Немцы сопровождали это занятие злобной руганью по адресу России и русских. Когда со вшами было покончено, голые „завоеватели“ навели на женщин револьверы и потребовали, чтоб те мыли их вонючие тела. Одну женщину, которая наотрез отказалась выполнить это бесстыдное приказание, фашисты тут же расстреляли.

Потом немцы загнали в погреб весовщицу колхоза — девятнадцатилетнюю Нюру Семенчикову. На кухне, в прикрепленной к потолку колыбели, спал ее ребенок. Нюра не решалась взять его с собой в погреб. Она боялась простудить его. И три раза в день, в часы, когда она обязана была являться на кухню, чтобы выполнять черную работу, Нюра тайком от немцев кормила свое дитя. Затаив дыхание, пробиралась она сюда ночью и, склонившись над родимой колыбелью, обливала ее жаркими слезами. Как-то она пришла на кухню и увидела своего ребенка на полу. Ребенок не подавал признаков жизни. Нюра бросилась к нему и стала обогревать его своим дыханием. Теперь уже ничем нельзя было утешить эту девятнадцатилетнюю мать. Самозабвенная любовь к сыну пересилила страх смерти.

Она не отходила от ребенка ни на шаг и после того, как он стал дышать. Она кормила и укачивала его, неподвижно устремив взгляд в одну точку, готовая к любым мукам. Но к удивлению молодой матери немцы проходили мимо нее, не обращая на нее внимания. Они то выбегали из дому и прятались в канавах, то сидели в горнице, мрачно опустив руки, тяжело дыша.

Ночью они плохо спали, все прислушивались к разным шумам. Если в это время раздавался крик ребенка, немцы вскакивали и затыкали ему рот рыбой или сыпали зерно в глаза.

И однажды Нюра стала свидетельницей радостного для нее события: фашисты торопливо стали жечь какие-то бумаги и, бросив на ходу награбленные вещи, покинули ее дом.

Выбежав на улицу, Нюра увидела, что в других домах творится то же самое. Один фашист, перебегая улицу, исподлобья мельком глянул на нее растерянным

тушим взглядом и, вытирая пот с лица, коверкая речь, крикнул:

— Убегай, а то капут! Идут красные солдаты. Они злые и дикие.

И немец, полоснув себя рукой по горлу, чмокнул языком и закатил глаза.

Нюра притворилась, будто ничего не понимает. Но сердце ее сильно билось. И она, приложив руку к сердцу, улыбнулась посвежевшими от набежавших слез глазами.

С востока потянул свежий ветер, и до слуха Нюры докатился гул близкой канонады. Из-за балки показались русские знакомые шинели.

Это к людям возвращалась жизнь.

Возвращалась радость.

Возвращалось счастье.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Я это видел	3
Винтовка	4
Мамед Майдинов	6
Родной советский человек	10
Подвиг повозочного Овчаренко	12
Свежий ветер	14

Редактор *М. Х. Кочнев.*

Художник *МОА.*

Подписано к печати 24/VIII 1942 г. КЕ 18278. Тираж 10.000 экз.
Печ. л. 14. Уч.-изд. л. 0,85. В печ. л. 38880 зн. Цена 60 коп.

Типография издательства Ивановского областного совета депутатов
трудящихся. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 4199.

